

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-153-159

Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного
ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
доцент кафедры «Гражданское и уголовное право»
Сибирского государственного университета путей сообщения,
e-mail: mogilevskiy_1@mail.ru

БЫКОВСКАЯ Елена Анатольевна,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданское и уголовное право»
Сибирского государственного университета путей сообщения,
e-mail: privatdocent@mail.ru

КОМИССАРОВ Алексей Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции начальник кафедры
гражданского права Новосибирского военного
ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
e-mail: aleks_kom3172@mail.ru

ЭМОДЗИ КАК СПОСОБ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Исходя из краткого анализа теоретико-институциональных позиций как зарубежных, так и отечественных ученых, нормативных правовых актов и правоприменительной (судебной) зарубежной и отечественной практики авторами в публикации принята попытка определить роль, место и использование эмодзи — графического языка способа волеизъявления лица в договорных обязательствах. С учетом специфики гражданско-правового статуса военных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации рассматриваются актуальные вопросы применения эмодзи названными субъектами в договорных конструкциях с их участием и предлагаются пути разрешения исследуемых проблем.

Ключевые слова: договорные обязательства, цифровая трансформация, волеизъявление, графические символы, эмодзи, правовая природа, условия применения, законодательное урегулирование, военные организации, гражданско-правовой статус, обязательственные правоотношения, специфика содержания.

MOGILEVSKIY Grigoriy Aleksandrovich,

candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of the department of civil law
of the Novosibirsk order of Zhukov of the military institute
named after army general I.K. Yakovlev of the national guard
of the Russian Federation, associate professor of the department
of «Civil and criminal law» of the Siberian state university

BYKOVSKAYA Elena Anatolyevna,
candidate of historical sciences, associate professor,
head of the department of «Civil and criminal law»
of the Siberian state university of railway engineering

KOMISSAROV Alexey Valerievich,
candidate of legal sciences, associate professor,
colonel of justice head of the department of civil law
of the Novosibirsk order of Zhukov of the military institute
named after army general I.K. Yakovlev of the national guard
of the Russian Federation

EMOJI AS A WAY OF EXPRESSING THE WILL OF A PERSON USING INFORMATION DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE CONTRACTUAL OBLIGATIONS OF MILITARY ORGANIZATIONS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Based on a brief analysis of the theoretical and institutional positions of both foreign and domestic scientists, regulatory legal acts and law enforcement (judicial) foreign and domestic practice, the authors in the publication attempt to determine the role, place and meaning of emoji – the graphic language of the way a person expresses his will in contractual obligations. Taking into account the specifics of the civil law status of military organizations of the National Guard of the Russian Federation, topical issues of the use of emojis by these subjects in contractual structures with their participation are considered and ways to solve the problems under study are proposed.*

Key words: *contractual obligations, digital transformation, expression of will, graphic symbols, emojis, legal nature, conditions of application, legislative regulation, military organizations, civil status, legal relations of obligations, specificity of content.*

Постановка вопроса о правомерности применения графических символов в качестве способа подтверждения волеизъявления участников договорных обязательств приобретает особую научную и практическую значимость на фоне масштабной цифровой трансформации, охватившей все ключевые сферы общественной жизни. Правовые отношения не составляют здесь исключения: под воздействием цифровизации претерпевает качественные изменения и обязательственное право, как самостоятельный сегмент юридической практики. Договорный институт частного права всё активнее опирается на технические средства при заключении и исполнении соглашений, что позволяет оперативно урегулировать проблемные ситуации, возникающие в ходе исполнения обязательств, при одновременном сокращении организационных, финансовых и иных ресурсных затрат. Электронная почта, мессенджеры, цифровые документы и дистанционные форматы взаимодействия планомерно вытесняют традиционные каналы коммуникации, занимая центральное место в деловой среде. Показательна при этом динамика электронного документооборота: на протяжении последних нескольких лет его объёмы ежегодно возрастают на десятки процентов [1].

Вектор цифрового развития получил нормативное закрепление как на уровне национального стратегического целеполагания, так и в системе межгосударственного регулирования. Президентом Российской Федерации цифровая трансформация отнесена к числу приоритетных ориентиров государственной политики, достижение которых предусмотрено в горизонте до 2030 года [2]. На пространстве Евразийского экономического союза цифровизация экономики занимает самостоятельное место среди стратегических приоритетов интеграционного сотрудничества: государства — члены ЕАЭС усматривают в технологическом переходе действенный инструмент как наращивания экономического потенциала, так и снижения барьеров во взаимодействии между странами-участницами [3].

Закономерным следствием цифрового перехода в правовой сфере стала трансформация самого механизма волеизъявления. Технологические изменения сняли значительную часть прежних ограничений, сопряжённых с выражением воли в правоотношениях, — прежде всего в части территориальной доступности и временных затрат. Договорная практика частного права оказалась наиболее восприимчивой к данным изменениям: онлайн-формат заключения соглашений [4], широкое распространение электронных доку-

ментов и средств верификации личности открыли участникам оборота возможность дистанционного оформления договорённости, качественно изменив скорость и характер договорного взаимодействия.

Волеизъявление сторон в рамках договорных обязательств с применением цифровых инструментов реализуется посредством различных технологических решений. Среди них всё более весомое место занимает переписка в многофункциональных публичных мессенджерах — программных приложениях, обеспечивающих мгновенный обмен текстовыми сообщениями, аудиозаписями, изображениями и иными мультимедийными материалами через сеть Интернет. Вместе с тем подобная переписка нередко включает не только текстовые фрагменты, но и эмодзи — графический язык, в котором смысловую нагрузку несут сочетания картинок и смайликов, замещающих слова и передающих действия, состояния или эмоции. Широкое распространение эмодзи в деловой коммуникации порождает принципиальные правовые вопросы: способно ли эмодзи выполнять функцию волеизъявления лица в договоре? Какова правовая природа подобных символов и влекут ли они юридически значимые последствия? Растущая практика использования эмодзи как способа выражения согласия на принятие договорных обязательств открывает новые грани в интерпретации волеизъявления участников гражданского оборота.

Научная дискуссия по вопросу правового значения эмодзи в договорных правоотношениях отличается существенной неоднородностью позиций. Кэтрин Тейлор в исследовании «Правовая природа эмодзи» квалифицирует эмодзи как самостоятельную форму выражения воли сторон, допускающую интерпретацию в контексте заключаемого ими соглашения. Признавая способность графических символов уточнять намерения участников договора, исследователь вместе с тем акцентирует внимание на их смысловой многозначности как потенциальном источнике разногласий при толковании. Во избежание подобной неопределённости Тейлор рекомендует сопровождать эмодзи текстовыми пояснениями. Алан Гомес в работе «Цифровая коммуникация и контрактные обязательства» обосновывает целесообразность применения эмодзи в современной электронной коммуникации, одновременно указывая на риски недопонимания и оспаривания обязательной силы договора в тех случаях, когда графические символы фигурируют в официальных документах. Джонатан Гриффитс в научном труде «Правовая природа символов в цифровую эпоху» рассматривает эмодзи как неформальный способ выражения согласия сторон в обязательствах,

однако предупреждает о высокой вероятности их неверного истолкования. В качестве практического решения автор предлагает сформировать стандартизированный перечень эмодзи, пригодных для использования в правовых документах и лишённых двусмысленности.

Российская правовая доктрина в вопросе юридической значимости эмодзи занимает в целом более консолидированную позицию по сравнению с зарубежными коллегами. Игнорировать правовые последствия применения графических символов в деловой коммуникации отечественные исследователи считают непродуктивным: стремительное распространение цифровых каналов взаимодействия объективно требует адекватного переосмысления сложившихся правовых категорий. Фундаментом для данного вывода служит устойчивая практика использования цифровых инструментов, в том числе эмодзи, при оформлении намерений сторон на вступление в обязательства и их последующее исполнение [5]. Надлежащая организация договорного взаимодействия в цифровой среде, по мнению российских исследователей, предполагает прямое урегулирование соответствующего вопроса непосредственно в тексте договора: стороны должны однозначно определить, признают ли они юридически значимой переписку, осуществлённую через мессенджеры с применением эмодзи, либо ограничивают её роль исключительно информационным обменом [6]. Подобный подход способен существенно снизить неопределённость в гражданском обороте, опосредуемом цифровыми технологиями, и минимизировать риск споров об интерпретации волеизъявления сторон.

Гражданское законодательство Российской Федерации разграничивает сделки по форме их совершения на устные и письменные — данная классификация закреплена в статье 158 ГК РФ. Письменная форма при этом не ограничивается традиционным бумажным носителем: статья 160 ГК РФ прямо допускает её реализацию с задействованием электронных и иных технических средств при условии возможности достоверной идентификации лица, чья воля выражена. Развитие обозначенного подхода нашло отражение в законодательной новелле, привнесённой Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [7]. Статья 309 ГК РФ пополнилась частью второй, допускающей исполнение обязательств, вытекающих из сделки, при наступлении заранее оговорённых обстоятельств без необходимости формирования отдельного волеизъявления сторон — на основе информационных технологий, предусмотренных условиями

той же сделки. Несмотря на отсутствие в тексте нормы какого-либо упоминания эмодзи, расширительное толкование её содержания даёт основания полагать, что признание графических символов допустимым способом выражения воли при совершении сделки не противоречит действующему правовому регулированию.

Сформированная законодателем рамочная конструкция нашла практическое воплощение в договорной практике: контрагенты всё чаще включают в тексты соглашений положения, приравнивающие юридическую силу документов, переданных по электронным каналам связи, к документам, исполненным в простой письменной форме. Перечень признаваемых каналов связи, как правило, охватывает электронную почту с адресами сторон, указанными в договоре, переписку в многофункциональных публичных мессенджерах, а также телефонные номера участников соглашения. Предоставив сторонам подобную диспозитивную возможность, законодатель вместе с тем воздержался от установления каких-либо критериев достаточности цифрового волеизъявления. Между тем практика ставит вполне конкретные вопросы: является ли направленный заказчиком односложный ответ «ОК» надлежащим подтверждением приёмки товара или же от него требуется развернутое подтверждение с указанием на соответствие качества и количества условиям договора? Урегулирование подобных коллизий в отсутствие законодательных ориентиров фактически перенесено в сферу судебного усмотрения.

Складывающаяся судебная практика, подобно неоднозначной доктринальной позиции и размытым законодательным ориентирам, не отличается единообразием: судебные органы выносят по схожим вопросам противоречивые постановления. Центральным предметом споров неизменно остаётся проблема квалификации эмодзи как надлежащего подтверждения принятия и (или) исполнения договорных обязательств.

Среди судебных актов, формирующих отечественную практику по данному вопросу, особого внимания заслуживает постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда. Предметом рассмотрения послужила ситуация, при которой направленное в ходе переписки эмодзи «ладонь с поднятым вверх большим пальцем» было представлено как свидетельство достигнутого между сторонами согласия по условиям договора поставки. Апелляционная инстанция поддержала позицию суда первой инстанции, констатировав юридическую состоятельность графического символа в качестве подтверждения договорённости. В обоснование своей позиции суд указал: «данный знак в обычно принятом и распространённом

понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо». Заявитель жалобы, указывая на возможность различных интерпретаций данного изображения, иного разумного понимаемого значения данного изображения не предложил. В последующей переписке значение данного ответа не уточнил, из чего следует, что ответчик воспринял данный ответ как согласие, не требующее дополнительного объяснения» [8].

Диаметрально противоположный вывод содержится в постановлении Второго арбитражного апелляционного суда, рассматривавшего схожую по существу ситуацию. Отказывая в признании эмодзи надлежащим доказательством исполнения договорных условий, суд указал: «Представленная ответчиком в дело переписка посредством мобильного мессенджера WhatsApp не содержит слов и выражений, буквальное значение которых или их общий смысл указывали бы на то, что ответчик сообщил покупателю о готовности товара к отгрузке... изображения с очевидностью не свидетельствуют о том, что товар был готов к отгрузке, что поставщик был готов передать его покупателю» [9]. Расхождение между приведёнными позициями наглядно демонстрирует, насколько существенную роль при оценке эмодзи играет контекст переписки и характер сложившихся между сторонами коммуникационных практик.

Очерченная проблематика не ограничивается рамками российской правовой системы — аналогичные коллизии возникают и в зарубежных юрисдикциях. Прецедентное значение приобрело решение суда канадской провинции Саскачеван, признавшего эмодзи «ладонь с поднятым вверх большим пальцем» надлежащим способом удостоверения контракта. Ответчик по делу был обязан выплатить истцу свыше 82 тыс. канадских долл. в качестве компенсации за неисполнение принятых на себя обязательств. Мотивировочная часть решения примечательна тем, что суд прямо обозначил границы традиционного и цифрового правопорядка: «Суд признаёт, что эмодзи «все в порядке» не является традиционным способом подписания документа, однако в данных обстоятельствах это был законный способ выражения тех целей, которые имеет обычная подпись» [10]. Между тем ни Россия, ни Канада не стали родоначальниками подобной правоприменительной тенденции. Профессор права Эрих Голдман, проводивший систематизированный мониторинг американской судебной практики, зафиксировал, что в период с 2019 по 2022 год эмодзи «большой палец вверх» фигурировало в 37 судебных актах судов США [11]. Масштаб накопленной практики свиде-

тельствует о том, что квалификация графических символов как юридически значимых действий давно вышла за пределы единичных казусов и приобрела характер устойчивой межнациональной тенденции.

Анализ мотивировочных частей приведённых судебных актов позволяет выявить общую закономерность: принимая или отвергая эмодзи в качестве доказательства, суды руководствовались не буквальным смыслом графического символа, а сложившимся между контрагентами обычаем деловой переписки и контекстом коммуникации в целом.

Применительно к использованию эмодзи в договорных обязательствах с участием военных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации принципиального рассмотрения, по мнению авторов, требуют два взаимосвязанных вопроса.

Первый касается правового статуса военных организаций как субъектов обязательственных правоотношений. Анализ законодательной базы, регламентирующей деятельность войск национальной гвардии, позволяет констатировать: войска национальной гвардии представляют собой государственные военные организации, учреждённые в целях реализации функций Российского государства по обеспечению государственной и общественной безопасности, охране прав и свобод человека и гражданина средствами вооружённой защиты [12]. Не углубляясь в детальную характеристику методов и средств осуществления названных публичных функций, можно констатировать: военные организации войск национальной гвардии Российской Федерации участвуют в обязательственных правоотношениях в статусе некоммерческого юридического лица в организационно-правовой форме федерального военного (правоохранительного) казённого учреждения [13].

Не менее значимым представляется вопрос об объёме и содержании участия военных организаций войск национальной гвардии в обязательственных правоотношениях. Современная модель социально ориентированной рыночной экономики предполагает равноправное включение в имущественный оборот субъектов как частноправовой, так и публично-правовой природы. Публичный статус военных организаций, своеобразие их организационно-правовых характеристик как юридических лиц, а также особый порядок учреждения и государственной регистрации закономерно определили специфику их положения в системе гражданского оборота, не исключая и сферу обязательственных правоотношений.

Потребности материального и финансового обеспечения деятельности военных организаций

обуславливают их непосредственное участие в гражданско-правовых отношениях. Располагая специальной гражданской правосубъектностью, военные организации наделены правомочием совершать любые сделки и принимать на себя обязательства, не запрещённые законом либо учредительными документами. Однако исполнение принятых обязательств подчинено строгому бюджетному режиму и сопряжено с рядом существенных ограничений. Расчёты по заключённым договорам производятся исключительно в пределах ассигнований, доведённых до военной организации из федерального бюджета на основании утверждённых смет доходов и расходов. Принятые обязательства подлежат обязательной постановке на учёт в территориальном органе федерального казначейства, в котором открыт лицевой счёт соответствующей организации [14]; обязательства, минуя процедуру казначейского учёта, лишаются права на бюджетное финансирование и исполнению за счёт средств федерального бюджета не подлежат.

Гражданские правоотношения с участием военных организаций играют существенную роль в организации их материального и финансового обеспечения. Военная организация выступает стороной сделок по приобретению продовольствия, обмундирования, военной техники и имущества, горюче-смазочных материалов. Эксплуатация объектов недвижимости военных организаций предполагает заключение договоров энергоснабжения, в том числе снабжения электрической и тепловой энергией, газом, водой и иными коммунальными ресурсами. Помимо этого, военные организации вступают в договорные правоотношения по вопросам аренды помещений и транспортных средств, перевозки личного состава и имущества. Спектр заключаемых ими договоров охватывает значительное число известных гражданско-правовых договорных конструкций [15].

Что касается непосредственного использования эмодзи в договорных обязательствах, одной из сторон которых выступает военная организация, практика подобного применения на сегодняшний день отсутствует – в том числе применительно к спорным ситуациям, рассматриваемым в судебном порядке. Вместе с тем авторы полагают, что использование эмодзи как правомерного способа волеизъявления в обязательственных правоотношениях с участием военных организаций вполне допустимо при соблюдении условий и порядка, рассматриваемых в настоящей публикации, с учётом особенностей их гражданской правосубъектности.

Резюмируя изложенное, представляется необходимым обратить внимание законодателя

на потребность в надлежащей регламентации действующего законодательства в части совершения сделок с применением цифровых технологий. Речь идёт о выборе одного из возможных нормотворческих решений: либо о прямом закреплении эмодзи в качестве легального способа волеизъявления участников обязательств при чётко определённых условиях его применения, либо об установлении соотношения между эмодзи и текстуальным содержанием договора, либо о законодательной фиксации критериев надлежащего подтверждения сторонами условий заключения, изменения, исполнения и расторжения договорных обязательств посредством графических символов.

Список литературы:

- [1] Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 1113–1124.
- [2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 10.03.2026)
- [3] Купчина Е.В. Защита прав на цифровые объекты интеллектуальной собственности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8. С. 133–136.
- [4] Ермакова Е.П., Протопопова О.В. Цифровые права и цифровые отношения // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7. С. 152–155.
- [5] А.В. Захаркина. Динамика гражданско-правового обязательства, исполняющегося путем применения информационных технологий // Ex jure. 2021. № 3. С. 130–144.
- [6] Е.Е. Фролова, А.М. Берман. Способы волеизъявления сторон в условиях трансформации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 80.
- [7] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
- [8] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2022 года № 07АП-3452/2022 по делу № А67-6716/2021 Требования: О взыскании задолженности по договору поставки, неустойки // Справочная правовая система КонсультантПлюс: Судебная практика. Дата обращения 10.03.2026.
- [9] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2023 года №

02АП-5712/2023 по делу № А28-2634/2023 Требования: О взыскании денежных средств // Справочная правовая система КонсультантПлюс: Судебная практика. Дата обращения 10.03.2026.

[10] Сайт: <https://www.canlii.org/en/sk/sk/b/doc/2023/2023skkb116/2023skkb116.html>

[11] Сайт: <https://blog.ericgoldman.org/archives/2022/10/a-million-dollar-thumbs-up-emoji-lightstone-v-zinntex.htm>

[12] О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от июня 2016 года № 226-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4159.

[13] Г.А. Могилевский, Е.П. Санин. Об организационно-правовых формах создания войск национальной гвардии Российской Федерации как юридических лиц // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 201–205.

[14] О порядке учета территориальными органами Федерального казначейства обязательств, подлежащих исполнению за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 806 (ред. от 02.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3762.

[15] Е.Б. Абакумова, А.В. Комиссаров, Д.Ю. Тарасов. Участие воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации в договорных правоотношениях // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 1. С. 72–75.

References:

- [1] Gronik I.A. Transformation of Digital Ways of Dispute Resolution in India//RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2023. № 4. S. 1113–1124.
- [2] On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474//www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (date of appeal: 10.03.2026)
- [3] Kupchina E.V. Protection of rights to digital intellectual property//Eurasian Law Journal. 2023. № 8. S. 133–136.
- [4] Ermakova E.P., Protopopova O.V. Digital Rights and Digital Relations//Eurasian Law Journal. 2023. № 7. S. 152–155.
- [5] A.V. Zakharkina. Dynamics of a civil obligation performed through the use of information technology//Ex jure. 2021. № 3. С. 130–144.
- [6] E.E. Frolova, A.M. Berman. Ways of expressing the will of the parties in the context of transformation//Right. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 3. С. 80.

[7] On amending parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of March 18, 2019 No. 34-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

[8] Decision of the Seventh Arbitration Court of Appeal of May 23, 2022 No. 07AP-3452/2022 in case No. A67-6716/2021 Requirements: On the recovery of debt under the supply contract, forfeit//Reference legal system ConsultantPlus: Judicial practice. Date of 10.03.2026 appeal.

[9] Decision of the Second Arbitration Court of Appeal of October 30, 2023 No. 02AP-5712/2023 in case No. A28-2634/2023 Requirements: On the recovery of funds//Reference legal system ConsultantPlus: Judicial practice. Date of 10.03.2026 appeal.

[10] Сайт: <https://www.canlii.org/en/sk/sk/b/doc/2023/2023skkb116/2023skkb116.html>

[11] Сайт: <https://blog.ericgoldman.org/archives/2022/10/a-million-dollar-thumbs-up-emoji-lightstone-v-zinntex.htm>

[12] On the troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law of June 2016 No.

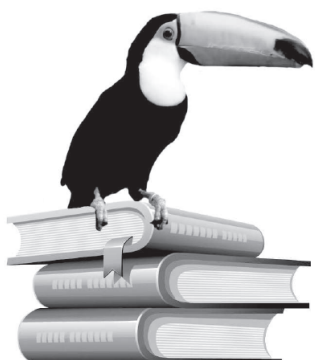
226-FZ (as amended by 15.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 27. Art. 4159.

[13] G.A. Mogilevsky, E.P. Sanin. On the organizational and legal forms of creating the troops of the National Guard of the Russian Federation as legal entities//Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2016. № 3 (36). S. 201-205.

[14] On the procedure for territorial bodies of the Federal Treasury to account for obligations to be fulfilled at the expense of the federal budget: Decree of the Government of the Russian Federation of July 15, 1999 No. 806 (ed. 02.03.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 29. Art. 3762.

[15] E.B. Abakumova. A.V. Komissarov. D.Yu. Tarasov. Participation of military units of the National Guard of the Russian Federation in contractual legal relations//Izvestia of the Saratov Military Institute of the National Guard of the Russian Federation. 2020. № 1. S. 72-75.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru